

«А с запада падает красный снег Сочными клочьями человечьего мяса...».

Образ войны в раннем творчестве В. В. Маяковского

Виктория Валерьевна Никульцева, Московский финансово-юридический университет
МФЮА (Россия, Москва), severjanin@list.ru

Владимир Николаевич Дядичев, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Россия, Москва), dyaditchev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170007628-9

АННОТАЦИЯ: В статье содержится лингвостилистический анализ двух стихотворений В. В. Маяковского, представляющих собой поэтическую реакцию автора на начало Первой мировой войны, — «Война объявлена» и «Мама и убитый немцами вечер» (1914). Эти произведения роднит наличие кольцевой композиции, лексических и звуковых повторов, словесной игры, окказионализмов, а также сходные приемы персонификации, метафоризации, эпитетики, контраста, дефразеологизации и авторского обновления фразеологии. Представление об ужасах войны передается автором за счет включения в художественный текст слов, создающих семантические поля «Смерть», «Убийство», «Уродство», а также за счет актуализации звуковой и цветовой семантики. Так, для визуализации образа смерти применяются белый, черный, красный, желтый и синий цвета с превалированием оттенков красного (*багровый, красный, горящий* и др.), который также сопряжен с образами уродства, травмы, мучений калеки (*разбить в кровь, изодранный, клочья человеческого мяса, израненный, обрубок, ломать пальцы, безногий, безрукий, убитый* и мн. др.). Звуковые ассоциации создаются путем введения в речевую

В. В. Никульцева, В. Н. Дядичев. «А с запада падает красный снег Сочными клочьями человеческого мяса...»...
V. V. Nikultseva, V. N. Dyadichev. "A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa..."

ткань текста лексем, семантика которых представляет весь спектр аудиальных сигналов: от беззвучного шепота умирающего до яростного крика жертвы (*мямлить, молить, вплакаться, расплакаться, выбрыцать, цокать, звонок, кричать, визжать, зверий крик, грохочущий голос, бас, громяющий, надрываться* и др.). На фоне этих семантических полей активизируются временные и пространственные образы (вечерний, вечер, новолуние; Россия — Запад), носящие символический характер.

ключевые слова: В. В. Маяковский, лингвостилистический анализ, индивидуально-авторский стиль, изобразительно-выразительные средства языка, Первая мировая война, антивоенные мотивы, пацифизм

для цитирования: Никульцева В. В., Дядичев В. Н. «А с запада падает красный снег Сочными клочьями человеческого мяса...». Образ войны в раннем творчестве В. В. Маяковского // Русская речь. 2019. № 6. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013161170007628-9.

благодарности: Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-04-00132-ОГН «Новые материалы к биографии В. В. Маяковского: историко-литературный и общественно-политический контексты».

The Language of Fiction

“A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa...” The Image of War in the Early Works of Vladimir Mayakovsky

---

Viktoria V. Nikultseva, Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow),
severjanin@list.ru

Vladimir N. Dyadichev, A. M. Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), dyaditchev@list.ru

ABSTRACT: The article contains a linguistic and stylistic analysis of two poems by V. V. Mayakovsky, representing the author's poetic reaction to the beginning of the First World War — "The War is Declared" and "Mother and the Evening Killed by the Germans" (1914). These works have several features in common, including the ring structure, word and sound repetitions, wordplay, neologisms, epithets, similar techniques of personification, metaphorization, contrast, deconstruction of idioms and nonce words coined by Mayakovsky. The idea of the horrors of war is conveyed by the author through the words that create semantic fields "Death", "Murder" and "Ugliness" in the literary text, as well as through the actualization of sound and color semantics. To visualize the image of death white, black, red, yellow and blue colors are used with the predominance of red shades (crimson, red, burning, etc.). Red is also associated with images of deformity, injury and suffering cripples (draw blood, tattered, scraps of human meat, mangled, stump, break fingers, legless, armless, killed, etc.). Sound associations are created by incorporating lexemes semantics of which represents a whole range of auditory signals from silent whisper of a dying man to a raging scream of a victim (to mumble, to beg, to cry, to burst into tears, to clink, to clatter, a ring, to shout, to scream, savage scream, rumbling voice, bass, rumbling, straining, etc.) in the verbal fabric of the text. In the background of these semantic fields temporal and spatial images (evening, new moon, Russia — West) are activated, bearing a symbolic character.

KEYWORDS: V. V. Mayakovsky, the Philological analysis, an individual-authorial style, expressive devices of the language, the First World War, anti-war motives, pacifism.

FOR CITATION: Nikultseva V. V., Dyadichev V. N. "A s Zapada Padaet Krasny Sneg Sochnymi Kloch'yami Chelovech'ego Myasa...". The Image of War in the Early Works of Vladimir Mayakovsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 6. Pp. 92–102. DOI: 10.31857/S013161170007628-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-04-00132-OGN "New Materials for V. V. Mayakovsky Biography: Historico-Literary and Socio-Political Contexts".

Рост напряженности и агрессии, эскалация насилия, конфликты в ближнем и дальнем зарубежье — все это заставляет современного человека задуматься о тех изменениях, что произошли в культурно-массовом

сознании за последние десятилетия. Литература XXI века, в том числе и российская, среди жанров которой доминирует нон-фикшн, несет такой огромный заряд антиэстетики и антихудожественности, что внутреннему взору читателя начинают грезиться полные смысла и духовной чистоты страницы литературных шедевров. Особенно актуальным в связи с этим видится погружение в контекст литературы 1910-х годов, так называемой «антивоенной поэзии», явившейся откликом на события Первой мировой войны, называвшейся также Великой и Второй Отечественной (Первая Отечественная — 1812 г.). Россия вступила в эту войну 19 июля (1 августа) 1914 года.

В. В. Маяковский в автобиографическом очерке «Я сам» (1922) писал об этом: «ВОЙНА. Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Плакаты заказные и, конечно, вполне военные. Затем стих. "Война объявлена"» [Маяковский 1955: 22].

Стихотворение «Война объявлена» написано Маяковским 20 июля 1914 г. Это одно из первых его стихотворений, в которых отчетливо слышны пацифистские мотивы и призыв автора к осуждению агрессивной политики мировых держав, порождающей массовое безумие, апокалиптический ужас и насилие над человеком, над его телом и душой.

«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!

Морду в кровь разбила кофейня,
зверьим криком багрима:
«Отравим кровью игры Рейна!
Громáми ядер на мрамор Рима!»

С неба, изодранного о штыков жала,
слезы звезд просеивались, как мука в сите,
и подошвами сжатая жалость визжала:
«Ах, пустите, пустите, пустите!»

Бронзовые генералы на граненом цоколе
молили: «Раскуйте, и мы поедем!»
Прощающейся конницы поцелуи цокали,
и пехоте хотелось к убийце — победе.

Громоздящемуся городу урбидился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными ключьями человеческого мяса.

Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены.
«Постойте, шашки о шелк кокоток
вытрем, вытрем в бульварах Вены!»

Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.
20 июля 1914 г. [Маяковский 1955: 64–65].

Кольцевая композиция текста вкупе с лексическими повторами (*вечернюю* — 4 р., *Италия* — 2 р., *Германия* — 2 р., *Австрия* — 2 р., *кровь* — 4 р., *лилась/пролилась* — 3 р., *багровой* — 2 р., *струя* — 2 р., *вытрем* — 2 р.), игрой слов (*Вздувается* у площади за ротой рота, / У злящейся на лбу *вздуваются* вены), аллитерацией на [р] (1-я — 2-я строки), [р] и [ч'] (*мрачно очерченную чернью*), [ц] (*поцелуи цокали*), [ш] (*шашки о шелк*) и пронизывающим весь текст ассонансом на [о] — [а] — [э]; употребление вулгаризмов и аграмматизмов (*морда, кокотка, в бульварах Вены*) наряду с книжной лексикой (*багрима*), окказионализмами (*зверий* 'звериный, нечеловечий' [Валавин 2010; Колесников 1991], *уродиться* 'уродливо представляться; быть кошмаром' [Валавин 2010; Колесников 1991]), тропами (персонификацией: *морду в кровь разбила кофейня; у злящейся на лбу вздуваются вены; хохочущий голос пушечного баса; жалость жужжала; слезы звезд; бронзовые генералы молили*; сравнением: *как мука в сите*; метаморфозой: *падает красный снег сочными клочьями человеческого мяса*; метафорами: *отравим кровью игры Рейна; громами ядер; вздувается рота; шелк кокоток; из ночи лилась струя; жала штыков*) и фигурами (инверсией: *багровой крови пролилась струя; морду в кровь разбила кофейня*; эллипсисом: «Купите вечернюю [газету]!», «Вечернюю!»; риторическими восклицаниями во всех строфах, кроме 5-й) — характерные стилевые черты дореволюционной поэзии В. В. Маяковского.

Звуковая стихия, предзнаменующая неотвратимость грядущих событий, захлестывает читателя: текст наполнен истерическими криками газетчиков («Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! / Италия! Германия! Австрия!» <...> Газетчики надрывались: / «Купите вечернюю! / Италия! Германия! Австрия!») и безумной толпы, завсегдаеяв кофеен (зверьим криком), визгом солдатских жен (...*подошвами сжатая жалость визжала: / «Ах, пустите, пустите, пустите!»*), мольбой о помощи (*Бронзовые генералы на граненом цоколе / молили: «Раскуйте, и мы поедем!»*), цоканьем копыт (*прощающей-*

ся конницы поцелуи цокали), грохотом пушек (хохочущий голос пушечного баса). Все эти звуки создают атмосферу безумия, окутавшего мир облаком отравы (...и пехоте хотелось к убийце — победе).

Превалируют черные и красные тона (очерченную чернью, багровой кровью, морду в кровь разбила, багрима), оттеняясь белым, желтым и синим, зеленым и коричневым: мрамор Рима, слезы звезд, мука; игры Рейна, небо; бронзовые генералы, граненый цоколь; шелк кокоток.

Кровь, пролитая повсюду, затопившая потоками Европу, как символ неотвратимого несчастья присутствует в творчестве поэта, который предчувствовал всю бессмысленность и жестокость кровавой бойни. На фоне звуковых и цветовых семантических полей, имеющих некрологический смысл, активизируются временные (вечерняя газета, вечер, глаз новолуния) и пространственные (Россия — Запад, конфликт между ними) образы. Они приобретают символический характер: бессмысленная смерть, необоснованная жестокость, неуправляемые эмоции, звериные инстинкты, половые извращения, являющиеся атрибутами братоубийственной войны, — все это отторгается психикой нормального человека. Апокалиптические образы зримо присутствуют в разреженном и удушающем воздухе, которым дышит человек; это предчувствие неотвратимого конца; это гениальное предвидение того, что может свершиться, если не остановить собой, своим телом и своей разорванной в ключья душой этот крошечный ад. Сила поэтического гения и заключается в том, чтобы не только громогласно заявить о грозящем миру безумии, но и суметь поднять протест в душах людей, что положены на алтарь мировой войны в угоду всем царствующим династиям.

Впервые стихотворение прозвучало в исполнении автора на Скобелевской площади (ныне — Тверская площадь в Москве). Уже 21 июля 1914 года Маяковский читал его перед манифестантами, собравшимися по случаю начала войны у памятника генералу М. Д. Скобелеву.

Маяковский же в автобиографии «Я сам» далее отмечает: «АВГУСТ. Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. <...> Отвращение и ненависть к войне. “Ах, закройте, закройте глаза газет” и другие...» [Маяковский 1955: 22–23].

«Ах, закройте, закройте глаза газет...» — это строки стихотворения Маяковского «Мама и убитый немцами вечер»:

По черным улицам белые матери
судорожно простерлись, как по гробу газет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

Письмо.

Мама, громче!

Дым.

Дым.

Дым еще!

Что вы мямлите, мама, мне?

Видите —

весь воздух вымощен

громыхающим под ядрами камнем!

Ма — а — а — ма!

Сейчас притащили израненный вечер.

Крепился долго,

кургузый,

шершавый,

и вдруг, —

надломивши тучные плечи,

расплакался, бедный, на шее Варшавы.

Звезды в платочках из синего ситца

визжали:

«Убит,

дорогой,

дорогой мой!»

И глаз новолуния страшно косится

на мертвый кулак с зажатой обоймой.

Сбежались смотреть литовские села,

как, поцелуем в обрубок вкована,

слезя золотые глаза костелов,

пальцы улиц ломала Ковна.

А вечер кричит,

безногий,

безрукий:

«Неправда,

я еще могу-с —

хе! —

выбрыцав шпоры в горящей мазурке,

выкрутить русский ус!»

Звонок.

Что вы,

мама?

Белая, белая, как на гробе глазет.

«Оставьте!
О нем это,
об убитом, телеграмма.
Ах, закройте,
закройте глаза газет!»
<1914> [Маяковский 1955: 66–67].

На персонификации понятия «убить вечер» ('скоротать вечерние часы') строится образная система стихотворения: *Сейчас притащили израненный вечер. / Крепился долго, / кургузый, / шершавый, / и вдруг, — / надломивши тучные плечи, / расплакался, бедный, на шею Варшавы. <...> И глаз новолуния страшно косится / на мертвый кулак с зажатой обоймой.*

Семантические поля «Увечье», «Страх», «Смерть» составляют такие лексемы, как «гроб», «глазет», «белый», «мертвый», «новолуние», «глаз», «безногий», «безрукий», «израненный», «убитый», «расплакаться», «вплакаться», «мать», «мама».

Цветовая палитра стихотворения, помимо антитезы «черный — белый», реализующейся через предметный ряд «дым, камень / мать, глазет, гроб», содержит хроматические тона: желтый (*глаз новолуния, русский ус, золотые глаза костелов*) и синий (*звезды в платочках из синего ситца*).

В то же время сочетание черного / серого / белого — это цветовой образ газеты, которая содержит информацию о войне, смерти, ужасе.

Неявно присутствуют и оттенки красного: «израненный», «убитый», «воздух вымощен громыхающим под ядрами камнем», «горящая мазурка», — создающие представление о крови, насильственной смерти.

Помимо цветовых ассоциаций, большое внимание уделяет В. В. Маяковский и звуковому оформлению образа «убитого вечера»: *вплакалась, орущий, громче, мямлите, громыхающим, расплакался, визжали, кричит, выбрывать, мазурка, звонок.*

Созданию звуковых и цветовых ассоциаций, детерминированных ощущением приближающейся смерти, способствуют такие приемы, как введение прямой и несобственно-прямой речи, остранение, употребление окказионализмов (*вплаканный* 'плакавший во что-л.' [Валавин 2010; Колесников 1991], *выбрывав* 'отзвенев' [Валавин 2010; Колесников 1991]) и авторское обновление фразеологии (*вплакаться в орущих* — ср. *плакаться в жилетку; ломать пальцы <улиц>* — ср. *ломать руки; закрыть глаза <газет>* — *закрывать / закрывать глаза* на что-л.).

Так, фразеологизм *плакаться в жилетку* имеет ироническое разговорное звучание и обладает значением 'жаловаться на свою судьбу. Обращаться за сочувствием к кому-либо' [Федоров 2008]. В тексте же его

форма и значение подвергается трансформации: глагольный элемент заменяется окказионализмом *вплакаться* со значением ‘уткнуться в грудь, плача’, а субстантивный элемент — оборотом *в орущих о побитом неприятеле*, что приводит к дефразеологизации (разрушении устойчивого оборота).

Разговорному фразеологизму *ломать руки (пальцы)* присуще экспрессивное значение ‘не скрывать чувство горя, отчаяния’ [Федоров 2008]; в тексте Маяковского оно трансформировано: *ломать пальцы улиц* — речь идет о массовых убийствах на улицах Ковны (прежнее название литовского города Каунаса).

Сочетание *закрывать / закрывать глаза* кому-л. — оборот, называющий обряд, характерный для православной и (ранее) языческой традиции. Умершему закрывают глаза, чтобы он не взял с собой в мир иной живого человека, а также по этическим и эстетическим соображениям. Маяковское выражение *закрывать глаза газет* (‘закрывать газету, несущую вести о смерти ближних’) семантически связано с этим оборотом речи, но формально соотносится с фразеологизмом *закрывать / закрывать глаза* на что-л. ‘намеренно не обращать внимания на что-л., не замечать чего-л.’ [Быстрова, Окунева, Шанский 1997], что свидетельствует о трансформации формы и значения исходного оборота.

Отличительными чертами этого художественного текста являются, помимо отмеченных, такие, как наличие кольцевой композиции и пристальное внимание автора к звуковой стороне стиха (изломанный ритм, аллитерационная звукопись, интонационный нисходяще-восходящий рисунок). Вкупе с отмеченными фонетическими средствами звуко-цветовое пространство текста, формируемое семантическими полями «Смерть» и «Страдание», создает эффект фоно- и видеоинсталляции, характерный для драматургии и сценографии.

Индивидуально-авторский лексикон, построенный на фундаменте газетной и разговорно-бытовой лексики начала XX века, которой так богата поэзия раннего Маяковского, также представляет огромный интерес для современного филолога. Оригинально либо подражательно маяковское словотворчество, насколько существенно его влияние на развитие словообразовательной системы русского литературного языка первой половины XX века? К этой проблеме, прежде всего на материале произведений послереволюционного этапа, обращались многие советские и зарубежные русисты, однако в их трудах, носящих либо сравнительно-сопоставительный, либо частнопроблемный характер, неолоксикон Маяковского так и не был изучен во всей полноте. В «Словаре неологизмов В. В. Маяковского» Н. П. Колесникова (1991) и в лек-

сикографическом труде В. Н. Валавина «Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов» (2010) весь накопленный предыдущими исследователями словарный материал остался практически без внимания, ибо в отборе и трактовке неологизмов его авторов словарей превалирует над объективными культурологическими и лингвистическими данными.

Итак, в обоих проанализированных стихотворениях представление об ужасах войны передается В. В. Маяковским за счет применения таких художественных приемов, как концентрация слов, входящих в семантические поля «Смерть», «Страдание», «Убийство», «Уродство/увечь»; актуализация звуковой и цветовой семантики (визуализация образа смерти осуществляется применением белого, черного, красного, желтого, синего, зеленого цветов с превалированием оттенков красного, который также сопряжен с образами уродства, травмы, мучений калеки; звуковые ассоциации создаются путем введения в речевую ткань текста лексем, семантика которых передает весь спектр аудиальных сигналов — от беззвучного шепота умирающего до яростного крика жертвы); активизация временных и пространственных образов на фоне колоративов (вечер, ночь; Россия — Запад; белый — красный — черный), носящих символический характер (позже, в 1918 году, Освальд Шпенглер назовет эти кровавые сумерки предвестниками «заката Европы», которая в падении способна увлечь за собой и славянский мир); актуальная дефразеологизация; употребление окказионализмов, входящих в концептосферу; кольцевая композиция, задающая болезненный, будто засасывающий в бездну, мотив с навязчивым контрапунктом; скрежещущая и гремящая звуковая инструментовка стиха и изломанные ритмы текста.

Предчувствуя грядущее, еще очень молодой, двадцатиоднолетний, но не по годам мудрый В. В. Маяковский выступает в роли пацифиста, предупреждающего всех и вся о губительном влиянии мировой цивилизации, с ее бесконечными страстями и слепой логикой, на ранимую психику человека — интеллигента и мещанина, купца и священника, дворянина и крестьянина, — которого Ее Величество Война превращает в военно-обязанного — офицера или солдата, санитарного врача или духовника, сестру милосердия или маркитантку, — иными словами, в жертву, обреченную на смерть. Человеку XXI века, стоящему на краю гибели, перед лицом угрозы новой мировой войны, не мешало бы задуматься о том же, погрузившись в энергетически мощную стихию «антивоенной поэзии» Маяковского, чтобы противостоять грядущему хаосу и безумию сильных мира сего.

Литература

- Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 271 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/1866053/> (дата обращения: 20.05.2019).
- Валавин В. Н. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов. М.: Азбуковник, 2010. 624 с.
- Колесников Н. П. Словарь неологизмов В. В. Маяковского / Под ред. акад. РАО Н. М. Шанского. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1991. 346 с.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1 (1912–1917). М.: Гос. изд. художественной литературы, 1955. 464 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 828 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/1618522/> (дата обращения: 20.05.2019).

References

- Bystrova E. A., Okuneva A. P., Shanskii N. M. *Uchebnyi frazeologicheskii slovar'* [Educational phraseological dictionary]. Moscow, AST Publ., 1997. 271 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1866053/> (accessed 20.05.2019).
- Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian literary language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 828 p. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1618522/> (accessed 20.05.2019).
- Kolesnikov N. P. *Slovar' neologizmov V. V. Mayakovskogo* [Dictionary of neologisms by V. V. Mayakovsky]. Ed. N. M. Shanskii. Tbilisi, Tbilisi Univ. Publ., 1991. 346 p.
- Mayakovskij V. V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh* [Complete works in 13 vols.]. Vol. 1 (1912–1917). Moscow, Stat. Publ. Hudozhestvennaya literatura, 1955. 464 p.
- Valavin V. N. *Slovtvorchestvo Mayakovskogo. Opyt slovarya okkazionalizmov* [Mayakovsky's word creation. Experience dictionary of occasionalism]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 624 p.